

Я. НОВИКОВ

Яков Александрович Новиков (1830 - 1912) сыграл большую роль в развитии и институционализации европейской социологии, создал множество трудов - социологических и публицистических, о которых в свое время говорили и читали. Его имя и труды, по свидетельству многих, были широко известны в европейских странах. Он был одним из ведущих социологов органистического направления.

Я. А. Новиков сотрудничал со многими известными социологами своего времени, активно участвовал в организационных начинаниях европейской социологии в конце XIX в.: был среди организаторов Международного социологического института в Париже (1894), его вице-президентом. Он читал лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже, который называли первым русским факультетом социологии, дата открытия которого сегодня стала Днем социолога (14 ноября). Но мы мало знаем о его трудах и других деяниях. В учебниках по истории социологии или вообще не упоминается его имя, или о нем говорится очень кратко. При упоминании часто подчеркивается, что он был известным европейским ученым, или "выдающимся французским социологом" (В. П. Култыгин).

Е. В. Де Роберти полагал, что Я. А. Новиков, несмотря на то, что писал работы на европейских языках и много жил во Франции, был "русским, в лучшем смысле слова" и "отличался широким кругозором и объективностью социолога, соединяя эти качества с редким по силе и образности языка талантом полемиста". Для ознакомления с творчеством Якова Александровича Новикова предлагаю его работу "Социальный Дарвинизм"* , переведенную на русский язык в 1906 году и изданную в Москве в формате брошюры.

А. О. Бороньев, зав. кафедрой теории и истории социологии СПбГУ

I. Когда 26/13 ноября 1859 года Дарвин выпустил свою бессмертную работу о происхождении видов, взволновался весь образованный мир. У всех вырвался глубокий вздох облегчения! Было наконец навсегда распутано ярмо капризной божественности. Произвол исчезал из природы; во всем водворялся стройный, величественный порядок. Человечество начинало чувствовать под своими ногами надежный фундамент реального; появилась возможность оставить зыбкую почву субъективных фантазий. Отживала потребность в чуде. Положительная наука взялась за подчинение своей власти всего живущего; человеческий разум отныне становился вполне свободным.

стр. 126

Дарвиновские принципы были немедленно приложены к объяснению явлений природы, к астрономии, к физиологии, даже к социологии. И это применение их оказалось плодотворным: оно обновило науку. Мир, застывавший перед тем в неподвижности, подобно египетским мумиям, встрепенулся. Всюду явились жизнь и движение.

Но дело не обошлось без крайности: энтузиазм, вызванный дарвинизмом, был непомерным. Дарвин опьянил умы своих современников. И так как в человеческой природе сила противодействия пропорциональна силе действия, дарвиновские выводы немедленно стали

---

* Новиков Я. Социальный Дарвинизм. Перевод А. Вяхирева. М.: Издание В. Д. Карчагина, 1906.

применяться далеко за пределами того, на что уполномочивала позитивная наука. Маятник знания был неистово отброшен волной дарвинизма от отвесной линии и отклонился на равную дугу влево. Приложение ко всему без разбора закона борьбы за существование породило в области социологии столько же ошибок, и ошибок очень грубых, сколько истин первостепенной важности было выработано дарвинизмом в областях космологии и биологии. Впрочем, подобное приложение дарвиновской теории было неизбежным. Вполне естественно, чтобы поверхностные наблюдения и скороспелые выводы предшествовали более внимательным, более точным, осторожным наблюдениям и более разумным, более основательным выводам: для собирания достаточного количества фактических данных необходим и достаточно продолжительный срок. Нет ничего более рационального, чем введение элемента борьбы в область химии и астрономии, с одной стороны, и в область социологии - с другой. Вещество и движение в сущности одно и то же, существование неподвижного атома было бы абсолютно невозможным. Следовательно, все существующее в мире находится в движении, и борьба является первоначалом. Она происходит всюду и всегда, не имея границ ни в пространстве, ни во времени. В общем виде борьба сводится к следующей формуле: материальные атомы, сгруппировавшиеся около одного центра, удаляются от него и стремятся сгруппироваться вокруг другого.

Но если борьба является мировым принципом, то ее формы или, если угодно, ее проявления видоизменяются без всякого предела. Формула, которую я только что дал, в сущности лишь ствол, отделяющий от себя самые разнообразные и причудливые разветвления. Борьба, происходящая между химическими атомами, не имеет ничего общего с борьбою, происходящей в социальной среде.

Разумеется, большая ошибка полагать, что мировые законы, основные законы природы, как добренькая фея старинной сказки, обращают свое благосклонное внимание на человека и, останавливаясь перед порогом наших общин, изливают на человеческий род неизреченные милости. Было бы смешным ребячеством питаться такими чересчур оптимистическими иллюзиями. Нет, борьба царствует и в области человеческих отношений, никогда не прерываясь, как и во всем остальном мире. Но не менее грубая ошибка думать, что формы борьбы, происходящей в общественной среде, совершенно аналогичны с формами борьбы в области астральных, химических и биологических процессов.

Вообще можно сказать, что борьба усложняется прямо пропорционально сложности условий, при которых она происходит. Социальные явления обладают большей сложностью, чем все остальные; поэтому должно ожидать а priori, что и процесс социальной борьбы будет обладать соответствующей сложностью. Человеческая борьба и ее формы обособляются уже потому, что в них входит интеллектуальный элемент, который отсутствует в химических, астральных и биологических процессах. Социологи должны тщательно избегать односторонних идей: на земле есть место только строгим, точным, положительным наукам.

Но эти виды борьбы различаются между собою не только степенями их сложности, - в них есть основные, природные различия.

Астральная борьба заключается в процессах притяжения и химического сращения. Небесные тела, блуждающие в пространстве (какова бы ни была их плотность), притягивают массы материи, попадающие в сферу их притяжения, и увлекают их за собою, отрывая от неподвижных звезд. В этой борьбе являются самыми счастливыми, если можно так выразиться, громадные солнца, самыми же обездоленными оказываются скромные маленькие звезды.

Биологическая борьба между животными высших разрядов выражается в совершенно иных процессах. Одно животное нападает на другое, умерщвляет его, ест и ассимилирует его мясо своему телу при помощи пищеварения.

Конечно, между астральной и биологической борьбой есть кое-какая аналогия. Обе они входят в одну общую формулу: атомы, сгруппировавшиеся вокруг какого-

нибудь центра, стремятся сгруппироваться около другого. Но сколько частичных особенностей находится рядом с этим основным сходством! Можно еще задаться вопросом, не превосходит ли сумма различий сумму сходных черт. Разумеется, могут говорить, что звезда-победительница пожирает побежденное небесное тело, но каждый понимает, что это выражение - в сущности, чистая метафора. Притяжение одного небесного тела другим и поглощение одного животного другим - совершенно различные явления. Во второе входит масса таких факторов, которые в первом отсутствуют.

Из того, что элемент борьбы можно отыскать во всем существующем, из того, что астральная форма борьбы так же необходима, как и биологическая, еще отнюдь не следует, что процесс астральной борьбы должен быть вполне аналогичным с процессом биологической борьбы.

То же самое можно сказать о социальной борьбе. Она имеет кое-что общее с астральной и биологической борьбой, но из этого ни в каком случае не вытекает, что процесс социальной борьбы должен быть непременно тождественным с процессом биологической борьбы, потому что явления общественной жизни с биологией не имеют ни малейшей связи. Каждая из этих областей выработала свои собственные формы борьбы, которые соответствуют ее природе. Совершенно справедливо, что социальные превращения могут происходить только путем борьбы, как астральные. Но нельзя говорить, что социальные превращения могут совершаться только через посредство биологического процесса истребления. Это утверждение до такой же степени необоснованно и ненаучно, как утверждение, что астральные превращения могут происходить также исключительно через биологический процесс пищеварения. Всеми признается, что нелегко переносить процесс астральной борьбы (притяжение) в область биологии и биологический процесс (поглощение, истребление) в область астрономии. Это признано, но следует точно так же взглянуть и на социальную борьбу. Она имеет свой собственный, социальный процесс, которого не должно смешивать с двумя предыдущими. Нет никакого основания уверять, что если свойственно законам природы, чтобы лев уничтожал антилопу, точно так же свойственно им и то, чтобы люди истребляли одних других, истребляли во веки веков. Вообразите астронома, который на основании того, что звездные превращения должны совершаться при помощи процесса притяжения, стал бы утверждать, что и в животной жизни существует тождественный процесс и что одни животные отрывают у других клеточки, в силу этого присоединяющиеся к ним и непосредственно группирующиеся около их собственного тела. Нет, господин астроном, в животном мире клеточки не присоединяются к посторонним телам непосредственно, на это существуют своеобразные, более сложные процессы, свойственные специально животной природе, именно процессы пищеварения и ассимиляции.

Так же разнится процесс социальной борьбы от борьбы в животном мире. Известно несколько стран, основанных одной национальностью и потом ассимилированных другими, совершенно чуждыми (в пример можно взять романизацию когда-то кельтской Галлии). Это явление содержит в себе, разумеется, отдаленное сходство с биологическим процессом поглощения. Метафорически можно сказать, что Рим поглотил Галлию. Но каждый человек поймет, что процесс романизации Галлии не имеет ничего общего с биологическим пищеварением, процессом, который совершает лев, съедая убитую им антилопу.

Необходимо установить более или менее прочно две основные истины: закон борьбы вечен и всеобъемлющ, но формы этой борьбы, ее проявления постоянно видоизменяются

сообразно с природой вещей, среди которых она происходит. Ошибочно думать, что формы борьбы, господствующие в одной части явлений, можно отыскать в том же самом виде в других.

Социальный дарвинизм учит, что процесс биологической борьбы входит без всяких перемен в область социологии; он утверждает, что часто биологический акт (война, истребление) являлся первым толчком к возникновению человеческих ассоциаций и стремления к порядку. Социальный дарвинизм, идущий в разрез с одной из наиболее прочно обоснованных научных истин, с учением об изменениях процесса борьбы, можно аргументированно осудить, как ложную теорию.

Социальный дарвинизм учит, что уничтожение (война) было исходной точкой человеческих ассоциаций и даже необходимым условием прогресса. Но уничтожение на полях сражений, во время завоеваний, покорения или в каких-нибудь других фор-

стр. 128

мах, деспотизм, накладывающий на побежденных свою тяжелую руку^{*}, в сущности отрицательная сторона жизни, ослабление ее, как всякое страдание. И социальный дарвинизм клонится к утверждению того, что ослабление жизненной интенсивности порождает впоследствии увеличение, усиление этой интенсивности. Дело сводится таким образом довольно просто к утверждению, что зло является благом, к прямому противоречию, такому же, как если бы стали доказывать, что мертвый покой в сущности движение. Уже одно это может подорвать всякое доверие к социальному дарвинизму; уже на одном этом основании его следует признать ложной теорией. Истина гораздо проще. Она не сбивается с прямой дороги, не бродит безвыходно между тремя соснами, не ищет вчерашнего дня. Она непоколебима, потому что основывается на прочном фундаменте закона тождественности, она знает, что усиление жизни есть усиление жизни, а радость есть радость. Дарвинизм учит, что общественная жизнь становится более подвижной (более способной к прогрессу), если она становится менее подвижной (при торжестве деспотизма, который обыкновенно сопутствует всяким завоеваниям). Истина же, еще раз, совершенно противоположна. Общественная жизнь подвижна, когда она подвижна (т.е. при условии свободы), и мертва, когда она мертва (умерщвлена тиранией).

Легко установить, что дарвинизм сбился с правильного пути как раз в тот момент, когда ему пришлось защищать в научных работах предположения подобного рода, полные самого низменного труизма, какой только можно себе представить.

II. Таким образом, природа полна вечной повсеместной борьбы, но формы этой борьбы видоизменяются по мере перехода от одного разряда явлений к другому. Борьба химических атомов выражается в иных формах, чем борьба астральная; борьба в животном мире отличается от борьбы химических частиц. Точно так же и общественная жизнь имеет свои собственные, специальные формы борьбы; сходство социального прогресса: изобретения и критические исследования.

Сейчас я постараюсь показать, почему дело обстоит так, а не иначе. Но прежде всего я хочу заявить, что в моем определении нет ни малейшей дозы оптимизма, идеальничанья или гуманизма. Некоторые из моих работ подвергались нареканиям за эти тенденции, будто бы скрытые в них. Но подобные нападки несправедливы. Напротив, я прилагал все старания к тому, чтобы выставлять вещи в их полнейшей реальности, хотя мог, разумеется, сам не замечая того, иногда скользить в своих скромных сочинениях по краю

---

* Этот деспотизм неизбежен, по крайней мере в первые времена, потому что при условии его ненужности было бы простое добровольное соединение двух политических общин, а не завоевание одной расы другою.

гуманитаризма. Но во всяком случае мои произведения написаны не с целью пропаганды миролюбия; они посвящены исключительно позитивной науке. А впрочем, никто не может утверждать, что в правильном, беспристрастном освещении фактов и выяснении истины есть хотя бы незначительная доля вредного оптимизма.

Перед изложением дальнейшего я должен указать на то, что психология дарвинизма чересчур примитивна и построена на давно устаревших принципах. Дарвинисты, по-видимому, еще не дошли до сознания первостепенной важности чувства симпатии в общественной жизни. Для них еще тайна, что удовлетворение этого чувства доставляет одну из самых величайших, если не самую величайшую радость сознательного существа. И если все живущее старается избегать скорбей и находить радости, вполне естественно, что человек с горячим рвением стремится за этой крупнейшей из всех радостей. Таким образом ясно, что влечение и сострадание - чувства, столь же часто встречаются в жизни, как жесткость и человеконенавистничество, если не чаще последних. Чувство сострадания, сочувствия так же реально, как и суровая замкнутость. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о бесчисленном количестве благотворительных учреждений, которые существуют на земле. Теперь оставим на время слишком обширное поле разбора душевных движений и попробуем разбить аргументы, приводимые дарвинизмом, по частям.

Переходим к главной из наших тем.

Итак, самыми естественными орудиями в общественной борьбе являются изобретения и следования. Это доказывается следующим образом.

Два живых существа, находящихся в условиях непосредственного соприкосновения, могут оставаться совершенно чуждыми друг другу, пока между ними отсутствует

стр. 129

деятельное общение. Но лишь только создается это общение, организуется община. В большинстве случаев общение начинается обменом материальных веществ. Пока связь между составными единицами поддерживается исключительно потребностями животной природы, ассоциация носит биологический характер; перед нами своего рода многоклеточный организм или животная колония. Но мало-помалу на лоне ассоциации нескольких живых единиц присоединяется к циркуляции вещества циркуляция движений. Оратор, говорящий перед толпой, может оказать очень большое давление на нее и может привести ее к совершению определенных поступков. Это происходит единственно через передачу движений. Губы оратора колеблют воздушные частицы; колебание последних отражается на слуховой перепонке, которая в свою очередь передает их в мозг, откуда они исходят в виде нового движения вибрации нервов, действующих на мускулатуру. Этот акт не является результатом обмена веществ, он просто-напросто есть передача движений.

Речь оратора перед толпой изображает нервную систему. Лишь только последняя формируется, начинается передача движений с окружности к центру и от центра к окружности.

На почве циркуляции вещества и движений зарождается бесчисленное количество биологических организмов, составляющих группу животных со сложными органами. Затем циркуляция движений усложняется и утончается еще более, переходя из органической жизни в психическую. Между индивидами устанавливается общение: от мозга к мозгу. Объединенные посредством этих специальных уз психической связи, индивиды формируют общество. Муравьи, общающиеся друг с другом при помощи движения сжжков,

животные, сносящиеся через посредство криков, и человек, обладающий даром членораздельной речи, уже образуют общины, основанные на различных началах.

Итак, община, какой бы то ни было формы, прежде всего, предполагает психическую деятельность. Помимо психической деятельности, она не может существовать. С этой точки зрения, община есть организм, живущий в области психических феноменов, после чего становится вполне понятным, что формы социальной борьбы должны согласоваться с сущностью общества и происходить на почве процессов психического порядка. Вполне понятно и то, что создать разумно и справедливо устроенное общество можно только при исключительном пользовании в качестве орудий борьбы одними психическими процессами. В этом абсолютно нет ничего удивительного. Вскоре обратное явление должно было бы повергнуть нас в изумление: было бы крайне удивительно, если бы социальная борьба и ее формы расходились с общими законами природы. Как ответили бы мы на утверждение, что биологические процессы выражаются в формах, аналогичных химическим, в разложении и соединении атомических группировок? Никогда не бывает ничего подобного. Напротив, замечены миллиарды случаев, доказывающих, что биологическая борьба разыгрывается на почве биологического процесса прямой или косвенной клеточной ассимиляции (одно животное поедается другим). Достаточно бросить самый поверхностный взгляд вокруг себя, чтобы убедиться в специальности средств жизненной борьбы, которые бывают пригодны исключительно для какой-нибудь одной области явлений и поэтому применяются только в ней одной. За время существования химии и биологии эта истина превратилась даже в банальную (несмотря на то, что очень трудно провести границу между областями этих двух наук); но она необходимо должна сделаться общепризнанной для соприкосновения биологии с социологией. И важнейшая ошибка социального дарвинизма заключается именно в непонимании этого.

Открытия - мать социальной борьбы. Бок о бок с усовершенствованием машин, накоплением богатств они порождают экономическую конкуренцию. Возьмем двух промышленников, работающих в непосредственной близости и производящих один и тот же товар, например, железные полосы. Если один из них находит способ более совершенной выделки, чем его сосед, или заводит лучше скомбинированные машины, или улучшает устройство мастерских, он получает возможность выпускать свои продукты дешевле и тем самым подрывать дело своего соседа. Последний, видя, что его сбыт ослабляется, что источники его доходов иссякают, бывает принужден позаботиться о деятельной защите своих интересов. Он старается добыть машины, заведенные его конкурентом, или приобрести другие его преимущества, короче - борется. Этот процесс экономического соревнования слишком хорошо известен для того, чтобы говорить о нем далее.

стр. 130

Когда изобретательность касается общественной организации, дело усложняется. Прежде всего термин изобретение кажется неприменимым по отношению к реформам политического порядка. Но это неосновательно. Умственный процесс зарождения и развития идеи изобретения как в технике, так и в политике совершенно одинаков. Только впоследствии, много позднее, появляется существенное различие между ними. Всегда бывает момент, когда прибор существует только в виде представления, образа в мозгу изобретателя. Конечно, это представление может реализоваться немедленно, если дело касается машины*. Когда же дело идет о социальном институте, этого быть не может. Но дальнейшие различия не препятствуют тождественности умственного процесса в период

---

* Внутренний образ может преобразоваться сначала в план, затем в модель, что придает ему уже известную телесную реальность. Это невозможно в области политики. Впрочем, слово *немедленно*, помещенное в тексте, не вполне точно; как известно, некоторым изобретателям приходилось ждать по многу лет возможности осуществить идею их приборов.

первоначального творчества. В наши дни, например, промышленное производство организовано известным образом; индивидуум может представить себя среди иной организации. Это представление, трудное для его реализации, есть изобретение. Когда автор этих страниц представляет себе все человечество объединенным в федерацию, когда он представляет себе план этой политической ассоциации, он совершает изобретение точно так же, как механик, думая об устройстве еще не существующей машины.

Если индивид воображает новый вид социального устройства, которое ему кажется полезным для осуществления его интересов, он желает увидеть его реализованным. Но социальный институт в последнем анализе только серия актов, выполняемых людьми. Для реализации изобретения необходимо, чтобы индивидуум-изобретатель убедил людей принять и привести в исполнение то, что ему кажется полезным. Изобретатель выходит на проповедь своих идей. Если они немедленно принимаются, наступает соглашение, о котором я буду говорить дальше; если же они не принимаются немедленно, приходится прибегнуть к детальному исследованию, и тогда возникает полемика^{*}. Изобретатель ставит известное положение, антагонисты критикуют. Если изобретатель одерживает верх над своими противниками, общество приступает к постепенному осуществлению его планов. Изобретатель добивается своей цели, его желания удовлетворяются, - словом, он торжествует. Если противники не убеждаются в его правоте, он побежден. В случае победы социальные институты преобразуются сообразно с идеями изобретателя; в случае поражения они остаются в прежнем виде или, другими словами, в той форме, какую дал им предыдущий изобретатель. Социалисты, например, требуют уничтожения частной собственности и замены ее коллективной. Во главе этого движения следует поставить Карла Маркса. Если социалисты убедят человечество в том, что коллективная собственность выгоднее частной, частная собственность будет уничтожена. Карл Маркс восторжествует. Если же социалисты не окажутся в силах установить коллективную собственность, они будут побеждены теми людьми, которые в свое время создали частную собственность. Человеческая работа, какого угодно рода, как в области техники, так и в области социологии, проходит фазы, которые я только что описал.

Если проанализировать развитие социальных явлений с достаточной строгостью, придется понять его, как вечную борьбу без промежутков и перемирия. И тогда будет необходимо считаться со степенью возможности в данный момент добиться успеха в том или другом движении вперед. Борьба при помощи биологических средств (убийство и грабеж или, другими словами, смерть мгновенная или длительная) может совершенно исчезнуть из нашего рода, тогда как борьба в иных формах, в формах изобретения и критического исследования (средства социального прогресса), может продолжаться с величайшей интенсивностью во веки веков. И если что-нибудь способно привести человечество к застою и вырождению, так это исчезновение интеллектуальных форм борьбы, а не исчезновение биологических форм. Вот чего не понимают дарвинисты, перепутавшие совершенно несходные вещи и не анализирующие с достаточной строгостью социальных явлений. Но дарвинисты могут успокоиться. Для того чтобы изобретение исчезло, как средство борьбы, необходимо чудо, необ-

стр. 131

ходимо ниспровержение мировых законов природы, необходимо, чтобы одна из существующих субстанций - субстанция мозга - сделалась вдруг неподвижной, мертвой! Но неподвижная субстанция, чистый абсурд - противоречие.

Если эта абсолютная нелепость когда-нибудь реализуется, то во всех случаях справедливость погибнет без возврата, потому что существование справедливости не

---

^{*} Сюда я отношу словесные прения и борьбу в печати за и против (книги, брошюры, газеты, журналы, программы, карикатуры и т.д.).

только не уменьшает силы изобретательности и критического исследования, а, напротив, их увеличивает. Только в чаду анархии и деспотизма мысль ослабевает, изнемогает и немеет. При торжестве порядка и свободы она движется, действует и сверкает лучами.

Таким образом сила изобретательности и критическое исследование - естественные орудия в социальной борьбе. Но эта истина еще далеко не признана общественным мнением. Предположим на одно мгновение, что она открыта мной. Следует ли отсюда, что этого явления не существовало раньше? Ни в каком случае. Леверрье открыл планету Нептун в 1848 году. Следует ли отсюда, что она не вращалась вокруг солнца в продолжение многих миллионов лет перед тем. Нисколько, она вращалась вокруг солнца, но люди по их невежеству не замечали этого, вот и все. То же самое и в моем открытии (если только оно принадлежит мне) относительно истинной природы социальной борьбы. Уже несколько веков человечество применяет в социальной борьбе силу изобретательности и критики. Однако чересчур невежественные люди не заметили, что два этих психических явления создают их машины, средства их экономической борьбы и всю их социальную организацию. Пока Леверрье не открыл планеты Нептун, изменения в орбите Урана и Сатурна объяснялись известными причинами. Но эти причины были ложными, потому что настоящая причина была в Нептуне. Таким же образом, пока не была открыта истинная природа социальной борьбы, человеческий прогресс можно было объяснять резней на полях сражений. Но эта причина ложная, потому что настоящая причина прогресса в изобретениях и критическом исследовании.

Теперь я должен обратить внимание на следствие, вытекающее из открытия истинных форм социальной борьбы.

Изобретательность приводит не всегда к критическому исследованию, а очень часто к немедленному признанию или, собственно говоря, к подражанию, о котором сожалел Габриэль Тард и благодаря которому может выработаться механизм чересчур книжного типа.

Одна парижская модистка изобрела новую форму платья. Немедленно ему стали подражать, оно было, так сказать, одобрено щеголихами целого света от Калькутты до Сан-Франциско и от Стокгольма до мыса Доброй Надежды. Оппозиции против нового изобретения не было никакой; оно было принято немедленно. Со множеством других изобретений всех родов, как в области техники, так и в области политики, происходит то же самое. Французские либералы 1789 года и прусские прогрессисты 1848 года не только не противились введению парламентского режима, изобретенного в Англии, а, напротив, находили его вполне пригодным и требовали его. Можно бы было привести не мало примеров этого рода; случаи психического соглашения превосходят случаи психического несогласия, которое дает место критике и спорам. И если бы дело происходило иначе, общины постоянно расшатывались бы. Французы (или всякая другая нация) пришли к соглашению, понявши, что они должны жить целым обществом и повиноваться законам своей стороны, чтобы Франция оставалась нераздельной, благоустроенной, счастливой. Если бы это соглашение не было достигнуто, Франция погрузилась бы в ужаснейшую анархию. Но в этих интеллектуальных соглашениях, как и в самых реализованных ассоциациях (оба явления в сущности являются одним, но только рассматриваемым с немного различных точек зрения), иногда многое упускается из виду благодаря их скороспелости и бесчисленности. Напротив, критика (аналогичная со спорами), несмотря на некоторую долю болезненности, уже в силу своей большей редкости, пробуждает индивидуальную и общественную сознательность.

Укажем теперь на другую ошибку дарвинизма. Странное дело! Все согласны с тем, что вид львов борется против вида боа, вид кошек - против вида мышей, - одним словом, только животные различных видов борются одни против других. Но из общего правила всегда делают исключения, когда думают о человеке. В одном этом случае слово "борьба"

понимается как борьба против индивидов своего собственного вида и никогда, как борьба против других видов. Но если известно, что волки

могут отлично поживать не поедая друг друга, дарвинисты должны объяснить, на каком из законов природы они основывают свое утверждение, что люди не в силах обходиться без этого. Волки не поедают друг друга потому, что инстинкт взаимного охранения укреплен в них наследственностью. В человеке господствуют умственные способности, а инстинкты находятся на втором плане. Однако человек остается существом, состоящим из клеток протоплазмы, как все другие, и поэтому не может выйти из сферы действия законов природы, а если так, непонятно, почему инстинкты не могли в достаточной степени укрепиться путем наследственности и в нем. Если человек представляет единственное исключение, дарвинисты должны объяснить причину этого. Вот самое главное. Но важно, что по инстинкту или по иной причине волки не едят друг друга. Всегда найдется какой-нибудь дарвинист, который станет утверждать, что это обстоятельство пагубно для волчьего вида, и что если бы волки поедали друг друга, их вид мог бы развиваться быстрее (или другой термин, выражающий движение вперед, прогресс). Но дарвинисты находятся в полном противоречии с общими законами природы, утверждая, что люди (одни) могут прогрессировать только через истребление друг друга. Дарвинисты обязаны объяснить нам, почему наш вид представляет это единственное исключение в целом мире живых существ. Ясно, что они никогда не найдут правдоподобного объяснения этому случаю, так как истина не на их стороне: люди прогрессировали бы гораздо быстрее, если бы постарались приноровиться к общим законам природы, а не посвящать себя самоистреблению.

С другой стороны, нет ни малейшей доли справедливости в утверждении того, что люди могут бороться только с себе подобными. Напротив, весь мир знает, что, как у низших животных, их деятельность должна заключаться в борьбе с другими видами и физической средой. Борьба против последней имеет своей целью защиту от голода (искусственное увеличение пищевых продуктов), защиту от вредных климатических условий (одежда и жилище), наконец приспособление земного шара к нашим нуждам при помощи видоизменения его поверхности (дороги, каналы, осушение морей, орошение пустынь и т.д.). Сумма усилий, направляемых на борьбу с неблагоприятными условиями среды, известна под общим названием экономического наращения*. И эти усилия составляют главнейшую часть деятельности человеческого рода.

За борьбой против физической среды следует борьба против других видов животных. Сначала большие: тигры, львы, волки, змеи. В этом направлении осталось сделать очень немного. Плотоядные не представляют больше серьезной опасности. Но не так обстоит дело в отношении мелких видов, особенно бесконечно мелких. Последние еще являются грозными: их природа изучена сравнительно мало, и мы пока плохо вооружены для уничтожения их. Таким образом на нас нападают с неизменным успехом микробы под видом всякого рода заразных болезней†. Нападают они на нас еще и косвенно, уничтожая

---

* Недостаточно оплодотворить хлебное поле однажды, - его нужно оплодотворять постоянно, приспособить известную часть земной поверхности к произрастанию хлеба. Если бы хлеб родился естественно в достаточном количестве, это приспособление было бы бесполезно. Человек употребляет свои усилия на искусственную поддержку только того, что не может существовать само собою, естественно. Усилия, затрачиваемые на добывание хлеба, называются земледелием. Каменного угля нет на поверхности земного шара (хотя это принесло нам пользу), но он существует под землей, и его приходится доставать из глубин наверх, чтобы можно было пользоваться им. Этот род усилий называется добывающей промышленностью. Если бы каменный уголь лежал на земной поверхности, добывающей промышленности не существовало бы. И так далее. Очевидно, что все экономическое наращение в последнем анализе является приспособлением планеты нашим потребностям.

† Антидифтерийная сыворотка и другие открытия этого рода, принадлежащие гению Па-стера, являются как бы продолжением того натурального процесса, который образовал в нашем теле лейкоциты для противодействия болезнетворным микробам.

пищевые продукты (болезнь картофеля, филлоксеры и т.д.). Борьба с микроорганизмами также занимает известную часть нашей деятельности под видом всякого рода санитарных мер, более и более распространяющихся и развивающихся среди населения.

Мне кажется, можно сказать, не боясь ошибиться, что восемь десятых нашей работы тратятся на борьбу с неблагоприятными условиями среды и с различными видами

стр. 133

животных. И дарвинисты еще строят свои слепые, странные гипотезы для объяснения мировой борьбы, не видя, куда уходят восемь десятых нашего времени, предаваясь пережевыванию несчастных двух десятых! Действительно, теория, претендующая на строго научные методы и пренебрегающая восемью факторами из десяти, не может быть названа никак, кроме теории чистого, голого эмпиризма.

Кто из дарвинистов будет утверждать, что борьба против физической среды может когда-нибудь кончиться? Разве придет день, начиная с которого жареные перепелки будут сами собою падать к нам в рот, а жилища расти наподобие грибов, чтобы нам можно было скрыться в них от дурной погоды. Если же борьба против среды останется вечной и если, как я сейчас указал, среда является в четыре раза более грозным врагом, чем наши кажущиеся враги, на каком основании дарвинисты утверждают, что человеческий род свободен от действия общего закона, что он будет исключением из всех видов, которые существуют на земном шаре?

В силу общего закона природы, движение следует по линии наименьшего сопротивления. Под влиянием этого закона образуются соединения в 60 триллионов клеток, как человеческое тело. В сущности довольно безразлично борются или объединяются живые существа. Когда ассоциация возбуждает и закрепляет собою высшую силу, напряжение жизни, она имеет преимущество; если же она закрепляет собою полную субординацию, очень скоро возникнет антагонизм. Линия наименьшего сопротивления есть господство одной из этих двух комбинаций над другой. Если человек встречает в физической среде сопротивление, равное 8, а у себе подобных - равное 2, не ясно ли, что в силу общих законов природы, эволюции, он изберет линию наименьшего сопротивления и склонится на сторону общечеловеческой ассоциации?

Эти колебания чувствуются тем сильнее, что борьба может быть вечной и ее проявления бесконечно разнообразными. Можно уже представить себе момент, в который все человечество сознательно объединится для борьбы с физической средой и другими видами животных. Что же тогда произойдет? Равновесие, отдых, затишье? Нисколько; получится совершенно обратное. Связь между людьми делается более тесной, борьба против враждебной среды приобретает большую силу и энергию*. Среда противопоставила нашим усилиям два очень серьезных препятствия: пространство и время. Человек придумал много средств для борьбы с ними (железная дорога, телеграф, письмо, фотография, синематография и т.д.). Однако вполне понятно, что борьба с этими врагами никогда не может прийти к концу. Мы ездим в настоящее время с быстротой ста километров в час, но ведь почему бы нам не делать двести, триста километров и так далее. Люди будут больше и больше объединяться и таким образом посвящать более времени борьбе с физической средой, вследствие чего эта борьба станет сопровождаться большим и большим количеством побед. Но каждый достигнутый успех будет облегчать ряд дальнейших успехов, и таким образом человечество будет идти вперед более и более ускоренным темпом, идти безостановочно.

---

* Это выражают еще другим образом, именно: богатства будут накапливаться с максимальной скоростью.

Итак, естественные формы социальной борьбы - только психологические феномены изобретательности и критического исследования. Борьба между людьми - только часть той великой борьбы, которую приходится выдерживать нашему виду против его внешних врагов. Вот неоспоримые факты, на которые социальный дарвинизм не изволит обращать внимание, и вот доказательство того, что эта теория - безусловно ложная теория.